

О.В. БОНДАРЕНКО
(Волгоград)

МОТИВЫ И ОБРАЗЫ НАРОДНОГО ТЕАТРА В ПОЭМЕ А.А. БЛОКА «ДВЕНАДЦАТЬ»

Рассмотрена связь поэмы А.А. Блока «Двенадцать» с фольклорной традицией. В ходе анализа текста выявлены черты народного балаганного театра, а также фольклорная символика целого ряда образов поэмы. Ее герои сопоставлены с системой персонажей вертепного театра.

Ключевые слова: Блок, «Двенадцать», фольклор, символы, балаган, вертеп.

Связь творчества А.А. Блока с народным театром имеет глубокие корни. Она была открыто заявлена уже в названии его драмы «Балаганчик» (1906). Вместе с тем, это – настоящая пародия на символизм, даже самопародия. Интересно, что здесь вполне типичные для символизма образы и картины совмещаются с пародийно-балаганными элементами. Поддерживает эту странную пародию также и смешение стилей – от реализма до сентиментализма, что вовсе рушит привычный драматический строй. Сходная картина наблюдается и в смеховых эпизодах поэмы «Двенадцать» (1918). Но это не ирония, не чистый юмор и вовсе не сарказм, а карнавальный, точнее, балаганный смех.

Переключки мотивов и образов поэмы и драмы можно подтвердить текстуально. Сравним, рассказ Пьеро о гибели своей невесты в «Балаганчике» и описание смерти Катьки в «Двенадцати».

«Балаганчик»:

Я стоял меж двумя фонарями

И слушал их голоса [3, с. 655].

«Двенадцать»:

Снег крутит, лихач кричит,

Ванька с Катькою летит -

Електрический фонарик

На оглобелях [Там же, с. 637]

«Балаганчик»:

Но, когда он ее закутал, -

Ах, подруга свалилась ничком!

Он ее ничем не обидел,

Но подруга упала в снег!

Не могла удержаться, сидя!..

Я не мог сдержаться свой смех!.. [Там же, с. 655].

«Двенадцать»:

Что, Катька, рада? - Ни гу-гу...

Лежи ты, падаль, на снегу!... [Там же, с. 639].

По наблюдению Б.М. Гаспарова, «здесь совпадает все: от деталей до настроения рассказчика. Сначала он ревнует, следом – переходит к откровенному глумлению, смеху» [5, с. 6].

В поэме появляются необычные образы-символы из мира птиц и животных – ворон и пес. Оба они связаны с темой «буржуйства» и могли бы быть частью балагана.

Ворон является персонажем многих фольклорных и авторских текстов. В поэме Блока упоминание о нем таково: *Ты лети, буржуй, вороньшком! / Выпью кровушку / За зазнобушку...* [3, с. 640]. Эта птица символизирует прежде всего привязанность к одному месту [1, с. 185]. Таким образом, сравнение буржуя с вороном, возможно, символизирует неповоротливость, неадаптивность такого человека к новым условиям. Этого «вороньшка» сгоняют с его «дерева». Также в мифологии многих народов

ворон выступает как трикстер, плут, обманщик. Он коварен и хитер, но все же и его могут обмануть. Кроме того, он является недобрым вестником, демоническим персонажем [6, с. 245-247]. Вот почему наши двенадцать героев от него отмахиваются, прогоняют и даже иронизируют над ним.

Несколько раз в поэме упоминается собака: *Стоит буржуй, как пес голодный, / Стоит безмолвный, как вопрос. / И старый мир, как пес безродный, / Стоит за ним, поджавши хвост* или *Только нищий пес голодный / Ковыляет позади...* [3, с. 641]. И двенадцать его прогоняют, грозя поколотить. Символика этого образа двойственна. «Противоречивый символ, одновременно выражающий преданность и разврат», – такова, согласно энциклопедии символов, семантика образа собаки [2, с. 267].

Сквозным в творчестве Блока является мотив стихии, первоначальной, древней и вечной. Это вещественное начало природы, воплощающее ее главные силы. То, как в поэме воеет вьюга и лютует метель, имеет глубокий художественный смысл. В фольклорной традиции пейзаж, как правило, связан с сюжетной ситуацией или внутренними переживаниями героев. В поэме Блока революционная буря соотносится с образами природных стихий — ветра и метельной вьюги.

Ветер «в сказках демонический персонаж, символ силы... Ветер всегда жил в далеких и недоступных местах – в пещере, на острове, на краю света, в море-океане, а еще их могло быть много. И люди с ними разговаривали, стараясь расположить к себе, ведь ветер мог иметь как разрушительную, так и созидательную, благодатную силы» [1, с. 178]. Обращение Блока к образу ветра отличается от его фольклорного символизма: *Ветер, ветер! / На ногах не стоит человек. / Ветер, ветер — / На всем божьем свете! / Завивает ветер / Белый снежок. / Под снежком — ледок. / Скользко, тяжело, / Всякий ходок / Скользит — ах, бедняжка!* [3, с. 633]. Это какая-то злая ирония, сарказм. Создается ощущение, что он призывает к революции даже ветер. И здесь это именно разрушающая сила: *Ветер веселый. / И зол и рад. / Крутит подошлы, / Прохожих косит. / Рвет, мнет и носит / Большой плакат* [Там же, с. 634]

Б.М. Гаспаров вычислил дату событий, описываемых А.А. Блоком в поэме «Двенадцать». Холод, вьюга – реальность января 1918 года, во многом повлиявшая на настроение поэта. В тексте произведения есть важная подсказка – плакат «Вся власть Учредительному собранию». Единственное заседание этого совета прошло 5 января по старому стилю. Таким образом, действие происходит около этого дня, приблизительно как раз в Святки.

То, что описываемые события приходятся на святки, объясняет присутствие Христа в финале поэмы, образ которого многим читателям кажется здесь неуместным, странным, нарушающим логику повествования [5, с. 7].

Фраза «Свобода без креста» [3, с. 635], пожалуй, относится сюда же. Сам по себе крест символизирует примирение противоречий, даже единство времени, «место пересечения линий креста – это источник энергии» [4, с. 185-186].

Многие символы в поэме «Двенадцать» неоднозначны, противоречивы. Но на их фоне в финале поэмы возникает образ Иисуса Христа. Он просто есть, и это не обсуждается. Его не винят ни в чем и не боготворят открыто. Отношение поэта к этому образу можно попытаться установить через символ, связанный с ним: *В белом венчике из роз – / Впереди – Иисус Христос* [3, с. 643]. Роза – один из самых древних поэтических символов. «Она символизирует центр мира. Трактовка этого символа зависит от цвета и формы розы. Белая роза означает чистоту. Кроме того, роза также намекает на победу, торжество, вдохновение...» [2, с. 260].

Образы главных героев поэмы также требуют пристального внимания. Двенадцать красногвардейцев, хоть и представленные как единое целое, тоже по-своему стихийный организм, способный на многое, но, очевидно, неясно определившийся с целью. Они могут разрушить все, что угодно, но что они построят? Старую веру они потеряли, а новую еще не нашли. Лейтмотивом поэмы является их решительное шествие. И это на первых порах бесцельное движение возглавляет в итоге Христос: *И за вьюгой невидим, / И от пули невредим* [3, с. 643]. Он как бы его освящает и одновременно становится символом возрождения истинной веры и связанных с ней новых надежд, нового смысла.

Но вернемся к традициям фольклорного театра. Начало поэмы напоминает лаконизм театральных ремарок. У Блока они играют роль экспозиции: *Черный вечер. / Белый снег. / Ветер, ветер!* [Там же, с. 633].

То, как рассказчик описывает первых персонажей поэмы, похоже на интонацию балаганного зазывалы: *А это кто? Длинные волосы...* [Там же, с. 634] и т.д. Речь повествователя наполнена междометиями и разного рода восклицаниями, что приближает ее к речи народной, в данном случае празднично-карнавальной. Отметим в поэме целый ряд ассоциаций с вертепным театром кукол. До начала шествия красногвардейцев другие персонажи поэмы передвигаются необычно. По контрасту с шествием они не столько ходят, сколько ковыляют, скользят, прыгают. Сходный тип движения мы наблюдаем и у персонажей народного кукольного театра.

Напомним, что вертеп – это представление, изображающее евангельский сюжет о Рождестве Христовом. В вертепе он имел специфическую трактовку: в духовное представление, посвященное столь значимому событию, неизменно проникал простонародный юмор. С религиозной точки зрения, это было сочетание несочетаемого, своего рода неосознанный оксюморон [4]. Вертеп являлся частью карнавальной рождественской народной традиции, и потому, конечно, здесь же, рядом, были ряжения, шутки, гуляния, сочетание церковных песен и народных колядок. Вертепный театр делился на две части: верхнюю религиозную и нижнюю бытовую, причем бытовая со временем вбирает в себя черты той среды, в которой это представление разыгрывается. Подобная структура присуща и поэме Блока. На нижнем «ярусе» происходит фарсовое представление с пестрым составом персонажей (кроме традиционных Ирода, черта и пса, появляются плачущая старушка, писатель-вития, буржуй и др.), на верхнем разыгрывается своеобразное поклонение Иисусу. Чередование острых, проблемных сюжетных моментов со своего рода «музыкой» (частушками, цыганскими припевами, героическими песнями), вкрапление речений городской молвы, спонтанное участие толпы в событиях – все это указывает на связь поэмы с традициями фольклорного театра.

Попытаемся сопоставить героев поэмы с персонажами вертепа. Главные роли в нем играют Дева Мария, младенец Иисус и Святой Иосиф, поскольку основное событие здесь – рождение Иисуса. Тут же появляются пастухи с овцами, три волхва и ангел (или ангелы). Зачастую представляется сюжет об убиении Иродом младенцев. Среди персонажей интермедий, разыгрываемых на нижнем ярусе, мы встречаем бабку и деда, солдата, цыгана, ляха (поляка), запорожского казака, иногда дьячка и крестьянина.

В интермедиях связь с евангельским сюжетом не только ослаблена, но и карнавально переосмыслена. Так, дед и бабка появляются после смерти Ирода и поют «Ой под вишенькой, под черешенькой». Это значит, что больше не нужно его бояться. У Блока же Ирод – безымянный лютый враг, он еще здравствует, а значит, по-прежнему грозен: *Неугомонный не дремлет враг!* [3, с. 636]. Поэтому: *Старушка убивается — плачет, Никак не поймет, что значит* [Там же, с. 633].

Непременным героем вертепа является солдат, который обычно говорит о себе так: «Я солдат простой, не богослов, не знаю грешных слов. Хотя я отечеству суть защита, да спина в мене избита. Читать и писать не вмею, а говорю, что разумею» [4]. Солдат в поэме двенадцать, а также есть Ванька, покинувший своих товарищей: *Он в шинелишке солдатской / С физиономией дурацкой / Крутит, крутит черный ус, / Да покручивает, / Да пошучивает...* [Там же, с. 637].

Затем в вертепе появляются цыгане, за ними – поляк, который сначала танцует с женой, а потом бранится с сыном, но весь переполох прекращается, когда появляется запорожский казак. Это центральный персонаж потешной бытовой части представления. Он размышляет на серьезные темы, вспоминает о прошлом, геройствует, дерзко ведет себя с чертом. Кто же напоминает его в поэме «Двенадцать»? Видимо, Петруха: *И Петруха замедляет / Торопливые шаги... / Он головку вскидывает, / Он опять повеселел... / Эх, эх! Позабавиться не грех!* [Там же, с. 640].

Есть в вертепном представлении и комическая фигура попа. Сходную характеристику духовного лица видим мы обнаруживаем у Блока: *Что нынче не веселый, / Товарищ поп? / Помнишь, как бывало / Брюхом шел вперед, / И крестом сияло / Брюхо на народ?* [Там же, с. 634].

Главные персонажи верхнего «яруса» вертепного действия – члены святого семейства, за исключением Иисуса, в поэме не обозначены. Здесь нет самой сцены Рождества, а есть только мотив поклонения чуду рождения нового мира. Именно с ним связано появление Иисуса во главе шестивия двенадцати красногвардейцев, апостолов новой революционной веры. Но битва за это чудо у Блока еще не закончена. В этом, по нашему мнению, заключается внутренний сюжет поэмы. Обращение Блока к традициям фольклорного театра было ориентировано на нового читателя, творца и участника революционных событий.

Литература:

1. Алексеенко В.В., Горецкая И.С., Коган Э.В., Колесникова А.С., Рахно М.О. Полная энциклопедия символов, эмблем и знаков. Ростов н/Дону, 2008.
2. Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Энциклопедия символов. М., 1995.
3. Блок Александр. Стихотворения. Поэмы. Театр. М.: Художественная литература, 1968. (Библиотека всемирной литературы. Серия третья. Том 138).
4. Вертеп // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб. : Брокгауз-Ефрон. 1890—1907. URL: <http://dic.academic.ru>.
5. Гаспаров Б.М. Тема святочного карнавала в поэме А. Блока «Двенадцать» / Литературные лейтмотивы. М., 1993. С. 4–27.
6. Мелетинский Е.М. Ворон // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 1. С. 245–247.

Рекомендовано к публикации:

А.Х. Гольденберг, доктор филологических наук, профессор